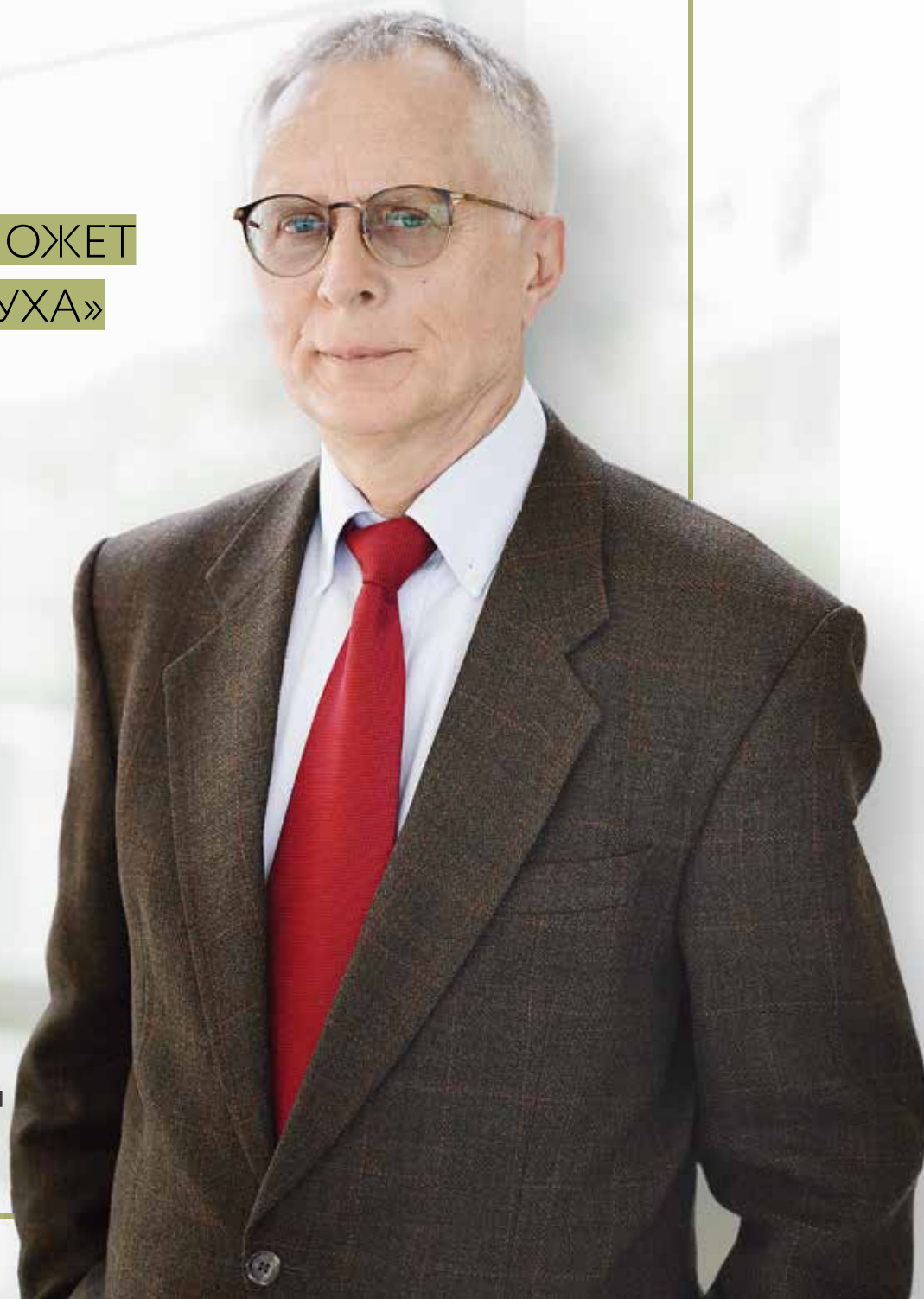

СЕРГЕЙ БОБЫЛЁВ

ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР МГУ:

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА
РАЗВИВАТЬСЯ В УЗКОМ
ЭКОЛОГИЧЕСКОМ
КОРИДОРЕ,
А ВОЗМОЖНЫМ
МЕХАНИЗМОМ ЕЕ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЖЕТ
СТАТЬ «ЦЕНА ВОЗДУХА»

HR-СТРАТЕГИИ КРУПНЕЙШИХ КОМПАНИЙ СТАВЯТ В ЦЕНТР ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ, ПОДРАЗУМЕВАЮЩЕЕ НЕ ТОЛЬКО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ДОСТАТОК, НО И ЗДОРОВЬЕ. В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ЕСТЬ ЭКОНОМИКА, ЗАБОТЯЩАЯСЯ О ЧЕЛОВЕКЕ — «ЗЕЛЕНАЯ». О ТОМ, С ЧЕГО ОНА НАЧИНАЛАСЬ И ПОЧЕМУ СЕЙЧАС ВЫШЛА В ТОП АКТУАЛЬНЫХ ТЕМ, А ТАКЖЕ ЗАЧЕМ КИТАЙ СТРОИТ ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ, МЫ БЕСЕДУЕМ С ДОКТОРОМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ, ЗАВЕДУЮЩИМ КАФЕДРОЙ ЭКОНОМИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ, РУКОВОДИТЕЛЕМ ЦЕНТРА БИОЭКОНОМИКИ И ЭКО-ИННОВАЦИЙ МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА СЕРГЕЕМ БОБЫЛЁВЫМ.

БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ МЫ ХОТИМ

— Сергей Николаевич, так что такое «зеленая» экономика и как давно она существует?

— Ее классическое начало в науке — это 1989 год, когда стало ясно, что экологический фактор начинает играть в экономике все большую роль. «Зеленая» экономика обеспечивает рост благосостояния людей при минимизации рисков для окружающей среды. И благосостояние следует понимать широко, ведь здесь речь не только о материальном компоненте, но и о социальном и экологическом.

Мне нравится дифференциация экономики и цивилизации авторства Германа Дейли, профессора Мэрилендского университета, согласно которой мир до середины XX века называется «пустым миром», в котором огромное количество ресурсов, вода и воздух чисты. А сейчас мы живем в «полном мире» — у нас большое население, при этом ресурсы истощаются, вода и воздух загрязнены.

— И все это напрямую связано с концепцией устойчивого развития, правильно?

— Так и есть: на Всемирной конференции ООН в 2012 году стало ясно, что устойчивое развитие невозможно без «правильной» экономики, а «правильной» экономикой должна быть «зеленая» экономика.

Финальный документ той конференции получил очень удачное название — «Будущее, которое мы хотим». Сегодня существует более ста определений устойчивого развития, но классическое звучит так: устойчивое развитие — это развитие, при котором нынешние поколения не должны уменьшать возможности следующих поколений. Другими словами, это некая долгосрочная концепция, которую я называю компромиссом поколений, сбалансированным развитием трех факторов — экономического, социального и экологического.

Своим студентам я привожу такой пример. В XIX веке один индейский вождь сказал своим соплеменникам: «Мы не получили нашу землю от наших отцов и дедов. Мы взяли ее взаймы у наших детей и внуков». На мой взгляд, это и есть суть концепции устойчивого развития.

КОЛЕЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

— С теорией все более или менее понятно, но что с практикой? Что такое «зеленая» экономика для России?

— С учетом страновой специфики «зеленая» экономика для России — это ресурсоэффективная экономика, повышающая благосостояние населения при сокращении либо без увеличения объемов эксплуатируемых природных ресурсов и загрязнений.

В экономике есть такой термин — декаплинг*, очень популярный сейчас. На русский язык его тяжело перевести, но для себя я его перевожу как эффект рассогласования конечных результатов и нагрузки на окружающую среду. Это означает: мы должны увеличивать конечный результат при сохранении или минимизации использования природных ресурсов и загрязнений. Клас-

сический пример декаплинга для России — это период с 1999 по 2008 год, оказавшийся самым благоприятным с точки зрения роста ВВП при одновременном уменьшении за-бора воды и сброса загрязняющих веществ.

Как этого добиться? Заняться технологической перестройкой экономики, и тогда нам не нужно будет добывать столько нефти, газа и угля, рубить столько леса и расплачивать землю. Ключевой фактор — повышение энергоэффективности, а для этого предприятиям нужна помощь в покупке технологий, кредиты и субсидии, различного рода энергетические контракты. Между тем несколько лет назад правительство «забрало» деньги из всех проектов, связанных с энергоэффективностью, и направило их на инфраструктурные проекты — чемпионат мира по футболу, Олимпиаду... Это, безусловно, важные проекты с хорошим социальным эффектом, но энергоэффективность мы упустили, а если открыть Энергетическую стратегию России, то она немного архаична — больше добывать, больше продавать. При этом все знают, что, отправляя за границу только сырье, мы теряем деньги. Все это не ново, и говорят об этом последние 10–15 лет, но воз и ныне там.

— Сергей Николаевич, тогда у меня довольно наивный вопрос: если все всё знают, то почему ничего не меняется?

— Прекрасный вопрос! На мой взгляд, здесь смесь субъективных и объективных вещей. С одной стороны, присутствует страшная инерция, и создается впечатление, что все хорошо: вы делаете дырку в земле, строите

* декаплинг (от англ. decoupling) — разделение

трубопровод длиной 2-3 тысячи километров, что очень просто сегодня с точки зрения технологий — и все, деньги потекли. А с углубленной переработкой вы должны разрабатывать либо приобретать новые технологии, внедрять их...

Знаете, в экономике есть хороший термин — эффект колеи, так вот, **российская экономика попала в колею и не может из нее выскочить**. Есть «зеленая» экономика, а есть та, которую называют brown*, а вежливо ее называют экспортно-сырьевой моделью экономики. Причем ясно, что эта модель тупиковая...

*brown (англ.) — коричневый

— От чего еще зависит судьба «зеленой» экономики в нашей стране?

— В России судьба «зеленой» экономики во многом зависит от реализации концепции **Наилучших доступных технологий*** (НДТ), действующей в мире последние 20–30 лет. У этой концепции два основных критерия: такие технологии минимизируют воздействие на окружающую среду и они экономически доступны.

Как я радую своих студентов: в России с января 2019 года началась технологическая революция под «зелеными» флагами: именно с этого дня вся российская промышленность должна переходить на концепцию НДТ. Выявлены 300 самых грязных предприятий, которые к 2022 году должны закончить переход, а к 2024 году вся промышленность должна перейти на эти технологии.

Сейчас мы находимся в очень тонком моменте: в России переход на «зеленую» экономику напрямую связан с реализацией концепции НДТ, а это означает перестроить весь технологический базис российской промышленности.

— Всего-то...

— Да, такая вот «маленькая» задачка, но я повторяю: эта задача законодательно утверждена и даже реализуется.

— Сегодня складывается впечатление, что тема «зеленой» экономики стала мейнстримом, причем все чаще говорят о ней в контексте здоровья людей.

— Так и есть. Еще в 2016 году президент России Владимир Путин, выступая на заседании Госсовета, назвал цифру, которую мы «внутри науки» использовали, но для широкой общественности эта цифра новая: экологический ущерб от загрязнения окружающей среды и деградации природы доходит до уровня 4–6% от ВВП, а с учетом вреда для здоровья достигает 15%! Все, на этом

*Наилучшие доступные технологии — технологии производства, которые устанавливают нормы по выполнению работ и оказанию услуг, соответствующие последним достижениям науки и соблюдающие критерии по охране окружающей среды

экономику можно закрывать! Именно эту цифру произнес президент, и это очень важный фактор, потому что когда мы говорим о «зеленой» экономике, то у многих ассоциации на уровне «деревья сажать и птичек беречь». Но это экономика для нас, для нашего здоровья.

— Между тем от наших чиновников не часто услышишь термин «зеленая» экономика...

— По моим ощущениям, у нас в стране этот термин носит какой-то легкомысленный характер. Поэтому, когда мы готовили материалы для Госсовета по экологии и задумались над тем, как назвать экономику будущего, я предложил термин, опираясь на свой опыт главного редактора десяти докладов ООН по устойчивому развитию: экологически устойчивая экономика или экологически устойчивая модель. В поручениях президента правительству РФ сохранился аналогичный термин.

Кстати, хорошим толчком к развитию «зеленой» экономики и вообще к тому, чтобы задуматься, куда ли мы идем, стали санкции 2015 года.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

— Сергей Николаевич, в каких странах «зеленая» экономика уже достаточно развита?

— В Западной Европе и Скандинавии, в Голландии и Швейцарии, в Германии, в Японии, в Новой Зеландии. В Германии единственный «груз на ногах» — это бурый уголь, доставшийся им от ГДР, который они вынуждены использовать, а вообще они делают совершенно фантастические вещи в части возобновляемой энергии: меньше чем за 10 лет они перестроили всю свою энергетику, и сегодня там порядка 40% — это солнце и ветер. И все это в северной стране.

Прошлый год стал особенным не только из-за пандемии коронавируса, но и потому, что почти все ведущие страны заявили, что достигнут углеродной нейтральности к 2050 году, а Китай — к 2060 году. Это ведь совершенно новая модель развития! Понимаете, целью развития ведущих стран мира стали не условная борьба с безработицей, рост доходов и ВВП, а борьба с уменьшением выбросов парниковых газов, снижение углеродного

ДОСТИЖЕНИЕ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ — ЭТО СОВЕРШЕННО НОВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ МИРА

следа. Мне кажется, в мире еще даже не осознали, как все может измениться и к чему это приведет. По факту это означает, что все развитие должно происходить в очень узких рамках экологического коридора, при наличии жестких экологических требований. И это — совершенно новая экономическая реальность!

За последние пять лет в эту новую реальность вложены сотни миллиардов долларов, евро и юаней, то есть поезд уже набрал ход и идет. И здесь важный вопрос: **сумеет ли Россия вскочить в этот поезд?**

Низкоуглеродная экономика — один из видов «зеленой» экономики. В прошлом году в России были разработаны проекты закона об углеродном регулировании и Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 года. А если мы переходим на низкоуглеродную экономику, то мы вводим углеродные цены, то есть речь идет о «цене воздуха», о торговле квотами на выбросы парниковых газов или углеродном налоге. Выходит, мало того, что экономика должна развиваться в узком экологическом коридоре — важным механизмом ее регулирования становится «цена воздуха»! Для многих людей, в том числе для «традиционных» экономистов, подобное звучит абсурдом, но это мировая и наша реальность.

— В России есть компании, которые развиваются в русле «зеленой» экономики?

— Конечно. В списке таких компаний «Лукойл», «Газпром», безусловно РЖД. Крупнейшие транснациональные компании, добывающие нефть и газ, уже заявили, что они станут углероднейтральными к 2050 году. Попросту говоря, вы можете производить выбросы, но затем вы должны их компенсировать за счет других мероприятий, например, посадки лесов и т. д.

По сути, все российские компании, имеющие значительный экспортные поставки, стремятся развиваться в русле устойчивого развития и «зеленой» экономики, но тут мы снова попадаем в рассогласованную реальность отчетов и того мира, в котором живем. Однако если вспомнить выпуск «зеленых» облигаций РЖД, то для России это очень мощный прорыв, у компании есть конкретный финансовый фонд для экологического обновления.

— Какие первые шаги должна сделать любая компания, чтобы «позеленеть»?

— Вводить декаплинг. К примеру, вы увеличиваете грузооборот, но на один километр пути сжигаете меньше топлива, делаете меньше выбросов, сокращаете затраты воды. Необходимо разрабатывать

индикаторы, связанные с потреблением топлива, воды, с уровнем загрязнения, выбросами парниковых газов — жесткие, очень конкретные. И еще один путь к «озеленению» — введение НДТ, обновление всего технологического базиса компании.

— Сергей Николаевич, как вы думаете, кто будет менять мир и отношение к экологии, к экологической повестке? Молодые поколения?

— Отличный тезис, тем более что я сам не имею никаких иллюзий относительно своего поколения — для нас понятие экологии так и останется чем-то весьма отстраненным, романтическим. Я искренне надеюсь на молодежь!

Один из моих любимых примеров: 22 августа 2020 года — День экологического долга, день, когда Земля потратила весь свой годовой биологический потенциал (проводится под эгидой WWF, Всемирного фонда защиты дикой природы). Я принял участие в онлайн-мероприятии, посвященном этому дню, и был уверен, что будет нас 40–50 «зеленых энтузиастов», мы снова обсудим, что нужно сохранять планету, беречь ее для будущих поколений... Позднее я узнал, что нас смотрели 350 тысяч человек — и это какой-то День экологического долга! Так вот я уверен, что 99% из них — это молодые люди.

То, что сейчас происходит осознание важности экологической повестки, подтверждается тем, что Китай — одна из крупнейших экономик мира — строит экологическую цивилизацию и записал это в Конституцию. Представляете разницу: мы говорим, что нужно стремиться к углеродной нейтральности, а Китай строит экологическую цивилизацию! И китайцы понимают, что речь идет о мировой конкуренции: если он, Китай, останется грязным, его выкинут из европейских и американских рынков.

— Выходит, «зеленая» экономика — не просто мейнстрим и дань моде, а...

— ... необходимость времени. Европа собирается вводить экологические пошлины на высокоуглеродные товары — и тут наши проснулись: мы тоже хотим быть «зелеными», низкоуглеродными, леса сажать... Посмотрим, что будет. HR

ЦЕЛЮЮ РАЗВИТИЯ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА СТАЛИ НЕ УСЛОВНАЯ БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ, РОСТ ДОХОДОВ И ВВП, А БОРЬБА С УМЕНЬШЕНИЕМ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ